

DOI: 10.15643/libartrus-2021.4.4

Еще раз о «Новом платье короля», или социальное конструирование и «ловушка» интернета

© Л. Б. Султанова

Башкирский государственный университет

Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, улица Заки Валиди, 32.

Email: slinera@inbox.ru

В статье исследуются процесс социального конструирования и роль современных информационных технологий, и прежде всего сети интернет, на основе понятия «коллективной интенциональности» американского философа Дж. Серла. Автор отталкивается от ярких образов сказки-притчи Г.-Х. Андерсена «Новое платье короля», раскрывающих сущность этого понятия. «Коллективная интенциональность» выступает как базовый инструмент демиургической функции языка, посредством которой формируются социальные связи в пределах конкретных языковых коллективов. Затем, на этой основе, в результате обновления сложившейся «коллективной интенциональности», у субъекта формируются социальные связи, в дальнейшем становящиеся социальными институтами. В итоге в сознании субъекта конституируется представление о государстве. Понятие «коллективной интенциональности» является одним из самых сложных для понимания философских понятий вследствие своей непосредственной взаимосвязи с «предъязыковой интенциональностью», конституирующейся на основе синтеза ощущений субъекта. Поэтому, как считает автор, адекватное понимание «коллективной интенциональности» при любой стратегии философского исследования возможно только на основе методологии неявного знания. Основные выводы обоснованы автором в тексте статьи и представлены в заключении.

Ключевые слова: коллективное бессознательное, естественный язык, социальный статус, неявное знание, демиургическая роль языка, языковой коллектив, информационные технологии, интернет, конституирование образа социальной реальности, социальные трансформации.

Введение

Вопрос о том, что же собой представляет государство с точки зрения конкретной личности, конкретного субъекта, каким образом в сознании и мышлении субъекта складывается образ государства; вообще, что в себя включает понятие «государство» и каким образом это понятие вкупе с его содержанием усваивается личностью, крайне важен, поскольку только при наличии адекватного понимания этого вопроса можно каким-то образом разобраться в реально происходящих социокультурных процессах, что необходимо для каждого члена социума, особенно, в периоды перемен и нестабильности. Понятно, что государство как таковое можно определить как совокупность и синтез некоторых социальных институтов, представляющих собой, в свою очередь, совокупность устойчивых социальных связей, необходимых для встраивания личности в социальные процессы и успешного в них функционирования. Становление социальных институтов представляет собой длительный социально-исторический процесс, имеющий свои закономерности и тенденции. Понятно, что социальная реальность сама по себе, в которой мы все находимся, структурно сложна, и ее образ в сознании

субъекта выстраивается на основе представления социальных институтов с опорой на общие понятия, содержащие элементы неявного знания, формирующиеся на нерациональном уровне, на базе личностного знания субъекта. Сам образ социальной реальности изначально конституируется на основе коллективного бессознательного субъекта как исходном элементе нерационального уровня мышления субъекта, связанного в основном с повседневным, обыденным бытием.

В науке разработан целый спектр подходов для объяснения того, каким же образом формируется социальная реальность как некая коллективная общность для членов единого языкового коллектива в едином социуме, т.е. как «коллективная интенциональность» [1]. «Мы так решили» – суть этого понятия по Дж. Серлу, где «мы» – это объединение людей, говорящих на каком-либо естественном языке. Вообще понятие «коллективной интенциональности» здесь основное, и его значение для исследуемого вопроса будет раскрыто в дальнейшем здесь более подробно. При этом интенциональность определяется как «то свойство многих ментальных состояний и событий, посредством которых они направлены на объекты и положения дел внешнего мира». Надо понимать, что «интенциональность нетождественна осознанности» [1, с. 96–98].

В марксизме объяснение социальным процессам дается на основе экономических трансформаций, преобразующих социальную реальность в интересах ведущих социальных групп (классов). В современной философии процессы социальных трансформаций разрабатывались на базе научных трудов по философии и политэкономии основоположников марксистско-ленинского учения, а также их последователей – советских и зарубежных философов и экономистов. Однако сегодня, когда уже всем ясно, что одних экономических и политических причин для понимания природы этих социальных трансформаций далеко недостаточно, современные исследователи прибегают к изучению роли языка в трансформациях социальных процессов. И здесь уже речь идет о настоящем социальном конструировании, когда язык рассматривается как подлинный демиург социальной реальности. Действительно, ведь только с учетом языковой деятельности можно дать убедительное объяснение формированию социальных статусов, образующих государство как всеобъемлющий социальный институт, без которого возможность человеческого общежития представляется проблематичной – несмотря на различные подходы анархистского и глобалистского толка, провозглашающие «смерть государства». Понятно, что такой подход полностью абстрагирован от каких-либо экономических реалий. Эти процессы проходят в пределах того, что в марксизме характеризуется как «надстройка» и «общественное сознание», в аспекте взаимосвязи его с тем, что называется «языковой реальностью», которую образуют субъекты языковой деятельности какого-либо конкретного естественного языка.

«Коллективная интенциональность» и современные информационные технологии

Каким же образом ролью языка можно объяснить формирование «социальных статусов»?

Представляется, что, наиболее ярко, в художественной форме, роль языка в формировании социальных статусов (общественных положений субъектов) выражена в одной из сказок Г.-Х. Андерсена «Новое платье короля», в которой автор раскрыл самую суть «коллективной интенциональности» и ее роли в формировании «социальных статусов», в результате чего эта,

вообще-то, совсем недетская сказка приобрела характер притчи. Многие, думаю, с ней знакомы, что существенно упрощает задачу автора. В этой сказке-притче рассказывается, как два портных с помощью наглой лжи заставили короля поверить в то, что они сшили для него роскошные королевские одежды, образно говоря, «не вдев даже нитку в иголку». И, вслед за придворными льстецами жители города, подданные короля вели себя так, как будто на короле и в самом деле роскошное платье. То есть они все как будто бы не замечали, что на короле на самом деле нет никакого платья вообще. Хотя только слепой мог с этим согласиться – с чужих слов. И, возможно, обман этих лжепортных продолжался бы и дальше и привел бы еще к каким-либо неприятностям для короля, даже для королевства, однако некто все же произнес эти судьбоносные слова: «А король-то голый!». Этот «некто» был всего лишь маленький мальчик, лепет которого, по определению, не может иметь никакого значения. Но даже и этой малости оказалось достаточно, чтобы состоялось коллективное прозрение, и всем, и самому королю стало понятно, что никаких роскошных одежд реально на нем нет, и «новое платье короля» не существует. В итоге правда восторжествовала, и лжепортные были с позором изгнаны, а все, и сам король, получили хороший урок. И ведь решающими оказались всего несколько слов, пришедших как бы из «никуда». То есть, кто их произнес, значения не имеет в принципе. Главное – сами слова, сама роль языка. Ведь в реальности в материальном мире не изменилось ничего – однако с произнесенными маленьким мальчиком словами «мираж» будто рассеялся, и «коллективное прозрение» состоялось.

Можно, конечно, пытаться здесь давать какие-то другие объяснения, но представляется, что и сам датский сказочник вольно или невольно, но буквально «высветил» эту демиургическую роль языка. И, действительно, с точки зрения современной философии языка, здесь все очевидно: социальный статус не может сформироваться без произнесенных слов, и без произнесенных слов никакой социальный статус не может быть реализован. Понятно, что слова в такой ситуации – не заклинания: слова должны выражать глубинные устремления социума, но они должны быть произнесены вслух и вызывать в окружающих одобрение и понимание. Также понятно, что в отличие от приведенной здесь сказки о новом платье короля, когда коллективное прозрение состоялось в краткий промежуток времени, на практике социальные статусы формируются исторически и представляют собой обобщение социально-исторического опыта этноса или человечества в целом. Даже общеупотребительные понятия естественных языков не могут сложиться иначе, чем через развитие социально-исторического опыта конкретного этноса, обладающего бытием в пределах конкретной языковой реальности. Понятия как указатели на свойства предметов получают общественное (коллективное) признание через языковые характеристики, даваемые предметам субъектами языковой деятельности.

Социальные институты формируются как совокупности социальных статусов, каждый из которых сформировался именно таким образом, т.е. посредством языка-демиурга. По Дж. Серлу, «институты – это конструкции, созданные человеческим сознанием» [8, с. 137]. То есть, можно сказать, что социальные связи, сложившиеся таким образом в языке, и узаконенные со временем в социально-историческом опыте, в итоге становятся элементами социальных институтов. Такое свойство языка философ Джон Серл назвал «коллективной интенциональностью». Это означает, что «языковой коллектив» обладает некоторыми универсальными общими интенциями (намерениями, настроениями), что позволяет в итоге создавать, конструировать общую

для данного языкового коллектива социальную реальность, базирующуюся на сформировавшихся таким образом социальных институтах. Через понятие «коллективной интенциональности» может быть объяснено социальное конструирование, формирующее и трансформирующее социальные институты. При этом никакого особого «чувства коллективизма» у субъекта не возникает. Это общепринятая терминология, которая означает, что субъект чувствует себя вовлеченным в некую общность, некое объединение на основе неких интуитивных «невидимых связей», и основой этой общности является язык. Надо понимать, что без таких связей человеческое бытие крайне проблематично, а формирование и развитие общества невозможны.

Ясно, что для изучения социального конструирования недостаточно опираться только на «коллективную интенциональность», но без таковой, по Дж. Серлу, никакое социальное конструирование было бы невозможно в принципе, с чем, как представляется, следует согласиться. Понятно, что языковой «коллективной интенциональности» предшествует предъязыковая «коллективная интенциональность», формирующаяся на основе ощущений субъекта, без которой языковая «коллективная интенциональность» сформироваться не может. Понятно также, что этот «скачок» в язык, в общие понятия, в «коллективную интенциональность» исторически происходит в течение длительного времени, уже в рамках родового строя, когда постепенно начинают устанавливаться первые социальные связи, уже на основе «коллективного бессознательного». По Дж. Серлу, «осуществление речевого акта служит для выражения соответствующего Интенционального состояния, поэтому с точки зрения логики было бы странно осуществлять речевой акт и одновременно отрицать наличие соответствующего Интенционального состояния» [1, с. 104–105].

Прежде всего, как можно предположить, формируется образ «Матери» – защитницы и хранительницы рода – и/или «Отца» – как «сильной руки», защитника, вождя. Для последующих поколений «коллективное бессознательное» приобретает характер основания, на котором конституируются новые социальные связи, а затем, уже в новые исторические времена, осуществляется социальное конструирование на базе языковой «коллективной интенциональности», и в дальнейшем таким образом формируется новая социальная реальность.

Уже в дальнейшем социальное конструирование осуществляется посредством обновления и развития «коллективной интенциональности» на основе сложившихся априорных структур сознания, важнейшей из которых является «коллективное бессознательное». Многие подобные процессы носят глубоко нерациональный характер, по причине чего «подключение» субъекта к наличной «сконструированной» социальной реальности происходит во многом на неявном уровне, то есть осознается довольно смутно. При этом действует все та же «коллективная интенциональность», когда субъект принимает социальную реальность как некую данность и в течение длительного времени может не стремиться к осмыслению своего наличного социального бытия и не задумывается, могло ли быть как-то иначе, откуда вообще все это и т.д. Субъект живет в этих своих представлениях, в этой «коллективной интенциональности», по выражению М. Полани, «как в одеянии из собственной кожи» [6]. Поэтому в рамках наличной языковой реальности и конкретного языкового коллектива вполне реально говорить о единстве этой социальной реальности и об образе единого мира в сознании всех членов конкретного языкового коллектива. Следует оговориться, что сформировавшаяся «коллективная интенциональность» как таковая носит глубинный характер, и в наличной

социальной реальности субъект в основном хорошо ориентируется и в достаточной мере осознает все с ним происходящее.

Усложнение социальных институтов, развитие образования, письменности и культуры приводит к тому, что у субъекта появляется осознание своего «Я» как своей значимости, уникальности, отделенности от «рода», от окружающих. Развитие живописи, литературы, искусства вообще позволяет субъекту ощутить и применить свой творческий потенциал, усложняются социально-исторические и культурные процессы, с ними обновляется и развивается духовный мир человека. Представляется, что в философии в результате возникает стремление разобраться в том, почему же мир именно такой, каким он субъекту представляется, каким же образом связаны исходная наличная реальность и содержание наших представлений, что происходит в нашем мышлении и что, собственно, происходит вообще. Сложность, глубинность, уникальность всех этих процессов для каждого субъекта, для каждой личности порождает уникальность представлений субъекта и о наличной социальной реальности, субъективирует эти представления. При этом субъект прекрасно осознает все границы «коллективной интенциональности», а также то, что его личностная уникальность как бы «расщепляет», «размывает» эти границы. Стабильность личности при этом покоится на глубинности нерациональных структур сознания и мышления, что делает невозможным их целенаправленное изменение со стороны самого субъекта. Понятно, что внешнее нерациональное воздействие возможно, и оно реально происходит, и здесь нет и не может быть каких-то рецептов, т.к. все очень конкретно и непредсказуемо. «Коллективная интенциональность», сформировавшаяся на базе естественных языков, могущественна, но не тотальна.

Все эти процессы и структуры издавна являются предметом исследования для философской теории познания. В своем радикальном виде, в рамках такого направления теории познания как субъективный идеализм был разработан подход, суть которого в том, что внешний мир есть порождение собственного мышления самого субъекта и, как таковой, субъективен. С этой точки зрения «вещи – это комплексы ощущений», а «быть – это быть воспринимаемым», т.е. реальность – это то и только то, что находится в поле восприятия субъекта. Мир в рамках такого подхода есть порождение мышления субъекта. Радикализация и абсолютизация «коллективной интенциональности», в свою очередь, может привести к пониманию мира как иллюзии и отказу от самой идеи истины, что также малоперспективно для развития теории познания, науки и цивилизации вообще.

И только разработка идеи «коллективной интенциональности» в пределах методологии неявного знания позволяет добиться адекватного понимания всей сложности и уникальности процессов социального конструирования в рамках социально-исторического бытия человечества – с учетом и материальной стороны этого бытия. Многие такой подход проясняет и в исследовании исторических трансформаций наличной социальной реальности, когда формирование новой жизни может происходить не на «обломках» отжившего, но только на основе складывающейся «коллективной интенциональности». И пока таковая не сложилась, никакого прогресса состояться не может.

Следует также понимать, что в новой истории такие трансформации осуществляются с учетом результатов научно-философского познания, когда разрабатывается научно-философская картина мира, которая объективируется на научно-теоретическом уровне научного познания. Понятно, что научно-философская картина мира, по сути, есть та же самая «коллективная

интенциональность» научного познания. Разница, причем принципиальная, состоит в том, что научная «коллективная интенциональность» подчиняется всем законам науки как единственной доказательной формы познания, известной человечеству. В рамках такой научной «коллективной интенциональности», как научная картина мира, или парадигма, с помощью специальных научных методов истинного познания формируется истинное знание о мире. Современной философии научного познания хорошо известны и понятны все проблемы, которые возникают в развитии науки как формы познания, однако философия и методология науки для того и мыслится, чтобы обнаруживать, ставить и решать эти проблемы по мере своих возможностей. Все эти вопросы прекрасно освещены в современной научной литературе по актуальным проблемам научного познания.

Итак, мы видим, что современная философия в достаточной мере представляет себе роль языка как «коллективной интенциональности» в формировании и развитии процессов социального конструирования и научного познания. Пример философского постмодернизма дает адекватное представление о том, как велико бывает стремление исправить, улучшить эту самую «коллективную интенциональность» – в целях улучшения социальной реальности и самого человека. Представляется, что для этого достаточно только заменить «словарь» классики на новый, где фундаментальные понятия получают новое звучание и тем самым новый смысл. От каких-то понятий, даже весьма значимых и ценных, вообще следует отказаться – ради блага человечества: например, от понятия «истины», т.к. от него «веет» тоталитаризмом. Кстати, тоталитаризм – важнейший элемент постмодернистской «коллективной интенциональности», под который можно подвести вообще любую определенность. Ведь определенность, истина дает субъекту, по крайней мере, вербальное преимущество, а значит, и власть, и поскольку постмодернизм – это порождение массовой культуры, с упоением использующей высокоразвитые современные технологии для распространения своих теорий и идеологий, и внедряет свою символику в культуру и повседневность через эти самые технологии, категория истины в постмодернизме или отбрасывается, или исследуется в негативном аспекте. Думаю, не стоит описывать все «прелести» поистине «дивного» мира, пребывающего в такой «коллективной интенциональности».

Главное, как представляется, понимать, что такой мир нестабилен сам по себе, поскольку, только изменяя язык, без трансформаций на глубинном уровне сознания и мышления, никаких необратимых трансформаций добиться невозможно – даже при известной стабильности и определенности экономических процессов. «Расшатывание» социальных статусов и социальных институтов на основе новой постмодернистской «коллективной интенциональности», имеющей к тому же репрессивную языковую модальность, вряд ли само по себе может что-то реально улучшить. Отбросив истину вместе с ее критериями, в т.ч. и моральными, в нашей сказке о «новом платье короля», мы останемся в итоге в такой социальной реальности, в которой будет возможно многое, будет возможно даже разрушение социального статуса короля, поскольку он не сможет наказать обманщиков-лжепортных. А, следовательно, в итоге будут разрушены социальные институты вообще. Потому что это никакой не обман, а такой «веселый карнавал» – с точки зрения постмодернизма.

Но это вовсе никакая не демократия, как, возможно, кто-то подумал. Ведь «суровости закона» демократия не исключает, а такая, с позволения сказать, «коллективная интенциональность» ведет к разрушению всех социальных статусов, а значит, к разрушению всей социальной

реальности в целом. В итоге мы получаем власть не народа, а толпы кривляк – т.е. не демократию, а охлократию – «власть толпы», на практике неизбежно ведущую к тирании и тоталитаризму. Вот уж к чему никогда философия не призывала.

Можно заключить, что применение понятия «коллективной интенциональности» Дж. Серля [1], реализуемое посредством методологии неявного знания [5, 7], позволяет раскрыть основные этапы становления социального бытия цивилизации именно как социального конструирования. При этом уникальные свойства неявного знания как знания неспецифицируемого и личностного [6], с одной стороны, ограничивают дальнейшее продвижение в познании истины в науке, поскольку «комплекс неосознанных ощущений» [6], как «корень» неявного знания в мышлении субъекта, нерационализируем вследствие своей непосредственной взаимосвязи с бессознательным и априорными структурами мышления субъекта. С другой стороны, благодаря опоре на неявное знание стало возможным продвижение в понимании нерациональных механизмов познания конкретного субъекта. Это позволяет получить рост понимания в теории познания и философии науки, а также в исследовании проблем человека и общества.

Но для понимания происходящего в современном мире такого результата уже сейчас далеко недостаточно. Посмотрим, что мы получим, добавив к нашему пониманию социальных процессов современные информационные технологии, сверх тех, что обеспечивают только массовое тиражирование идей и символов. Наиболее показателен в этом плане интернет – поскольку нас в этом отношении интересует наиболее отрицательный возможный сценарий развития цивилизации. Ж. Деррида отмечает, что по Соссюру, «Письмо скрывает вид языка – оно не одежда, но маска». Дело обстоит таким образом, что письмо «захватывает главную роль», а «естественное отношение переворачивается» [2, с. 181]. Следовательно, заключает Деррида, письмо является «ловушкой», его действие «порочно» и «тиранично» [2, с. 181].

Мы давно уже живем в условиях «письменной» цивилизации, где люди не только говорят, но и пишут – книги, стихи, договоры, различные документы и т.д. Пишут и подписывают. Казалось бы, где здесь тирания. Но вот сегодня, в эпоху, когда, наконец, проявились все свойства и возможности интернета, думается, эти слова заслуживают большего внимания. Ведь письмо как язык изначально было частью жизни, не претендовало на какое-то «иное бытие» – хотя и требовало от субъекта внимания и сосредоточенности и задавало определенную степень виртуализации как вовлеченности в процесс. Но все же, если так можно говорить, «степень виртуализации» просто письменного языка была очень скромной. Интернет – другое.

Ранее здесь мы установили, что интернет как «сетевое» бытие обладает свойствами вербальной виртуальной реальности [3]. При этом на когнитивном уровне «сетевое» бытие закрепляется как вербальное бытие с преимущественно репрессивной модальностью. Дело в том, что и в сетевом бытии, и в бытии субъекта во внешнем мире как константной реальности применяется один и тот же естественный язык (или языки). Даже если мы видим формальные отличия в применении естественных языков в сетевом бытии субъекта, их можно рассматривать просто как некий сленг, жаргон, что имеет место и для естественных языков. Главное, что это именно так для субъекта – язык « сетевого » бытия воспринимается и применяется им, т.е. всеми нами, точно так же, как естественный язык в привычном всем нам

внешнем мире. Важно учесть при этом, что «сетевое» бытие вербально в своей единственной основе. Поэтому в результате дальнейшего развития интернет-технологий мы неизбежно должны получить «врастание» сетевого бытия в социальные институты и даже повседневное бытие субъекта. И в этом смысле интернет для человечества, как представляется, – настоящая «ловушка».

Ведь «сетевое бытие» – это в любом случае виртуальное бытие, которое есть «недород бытия» [4], с чем следует согласиться. А субъект склонен переносить все свои мнения из социальных сетей в материальное бытие, в наличную реальность. Что мы как раз имеем сегодня в социальной практике – вербальное сетевое бытие постепенно становится частью реального повседневного бытия субъекта. И социальные статусы, и статусные функции понятий сегодня должны вербально подтверждаться или, по крайней мере, обсуждаться и в вербальном сетевом бытии. Значение наукометрии в науке сегодня понятно каждому научному исследователю. Далее, такое «врастание» «сетевого бытия» в действительность мы также имеем сегодня в социальной практике повседневной жизни. Понятно, что такое положение вещей реально осложняет социальную практику – стоит только «включить» телевидение или интернет и «оказаться» на какой-либо дискуссионной площадке. Дискуссиями такие «мероприятия» можно назвать с большой натяжкой. Всегда есть какой-то «подтекст», какая-то производственная сверхзадача и ведущие или модераторы стремятся выразить какие-то «идеи» или что-то символизировать. Сложностей хватает. А ведь здесь пока ничего не было сказано о влиянии интернета на подрастающее поколение и молодежь – и это отдельный серьезный вопрос. И «ловушка» интернета в том, что весь этот «интернет-антураж», например, в науке, реально никакого прироста научного знания не дает, и дать не может, но ведь, с точки зрения управления наукой, весь расчет именно в этом – с помощью информационных технологий «двигать» научный прогресс и конкурировать глобально. Для маркетинга в сфере предпринимательства – прогресс налицо, но, как говорится, «более нигде».

Понятно, что все эти вопросы не были бы так значимы, если бы информационные технологии не занимали такого заметного места в нашей жизни. Ведь интернет – это не только досужая болтовня и различного рода «клоунады» – это и электронная почта, и полезные сайты, и «личные кабинеты» и в этом также «ловушка», т.к. проще и легче от этого в целом ничего не становится, а, напротив, усложняется, требует все больше внимания и времени. Проблемы же, для решения которых, в общем-то, и прибегают к информационным технологиям, получают дополнительную «точку опоры» еще и в интернете, что отнюдь не способствует их разрешению.

Поэтому просто отключить электричество, так сказать, «вынуть вилку из розетки», что является простым и доступным средством решения описанных проблем, к сожалению, не всегда возможно. Поэтому «врастание» «сетевого» бытия в бытие подлинное, скорее всего, в ближайшем будущем вряд ли удастся преодолеть. Насколько это фатально в принципе – покажет время.

В целом представляется, что интернет – это закономерный результат развития и влияния демиургической природы языка на человека и мир, подкрепленный современными информационными технологиями, и проявление отнюдь не эфемерной значимости языка для развития цивилизации в целом. Чего здесь больше – истинной «демиургичности» языка или «власти технологий» и «власти виртуала», покажет время.

Что касается государства как комплекса социальных институтов, то представляется, что «врастание» «сетевого бытия» в действительность, имеющее место в результате развития информационных технологий, способствует «размыванию» уже сложившейся «коллективной интенциональности», на основе которой сформировались действующие социальные статусы и социальные институты, а также статусные функции предметов. Понятно, что вопрос о государстве принадлежит к числу важнейших вопросов философии и предполагает свою специфическую проблематику. Однако обновление «коллективной интенциональности» на основе врастания «сетевого бытия» в наличную действительность предполагает обновление и этой проблематики в аспекте возникновения задачи защиты свобод личности и соблюдения законности в рамках «сетевого бытия». Понятно, что со временем «коллективная интенциональность» должна обновиться, и эти вопросы уже не будут настолько сложными для практической реализации, но переходный период потребует серьезных действий от сложившихся социальных институтов, а также их обновления с учетом поставленных задач. Информационная безопасность на сегодняшний день – не просто новый теоретико-познавательный и социально-философский тренд, а насущная необходимость.

Но в любом случае не следует забывать, что любая «коллективная интенциональность» не может быть отделена от языкового коллектива и, следовательно, от личности каждого субъекта. А там, в сознании и мышлении субъекта, на нерациональном уровне, происходят уникальные по сложности процессы, природа которых не всегда понятна, а рациональное управление которыми для самого субъекта невозможно. Понятно, что возможны манипуляции сознанием извне опять же с помощью современных технологий, современная наука в достаточной мере исследовала эти процессы. Но «зомбирование» никогда не расценивалось философией хоть сколько-нибудь положительно. Ведь оно уничтожает субъектность и порождает «псевдоличность».

Что дальше? Тоталитаристская «псевдоцивилизация», которая сама себя уничтожит? Будет один сплошной «веселый карнавал», когда есть ли вообще на короле какое-то платье, вряд ли кого-либо будет волновать в принципе. Образно говоря, «новое платье короля» сегодня, когда тоталитаристская «псевдоцивилизация» пока еще только философская «страшилка», требует от короля прежде «нового ума», т.е. соответствующего образования и опыта. И да, никакая «коллективная интенциональность» не может отменить необходимость какой ни на есть, но «королевской власти», т.е. социального института главы государства и главы государства как личности – чтобы «страшилка» не «вросла» в наличную действительность. И, похоже, что дальнейшее «врастание» «сетевого бытия» в наличную действительность будет способствовать росту «соблазнов» в геополитике, поскольку в «сетевом бытии» желаемое практически совпадает с его реализацией. А поскольку «сетевое» бытие навсегда останется только «недородом» наличного бытия, одной информационной безопасностью дело будущего не ограничится. Что, собственно, мы видим уже сегодня в политической повестке дня, которая становится все менее «дипломатичной». И здесь возникает вопрос – несколько «сгущая краски», в чем здесь, наверное, можно обвинить автора, не прозреваем ли мы тем самым возможное будущее – или, по крайней мере, один из его возможных сценариев...

Заключение

1. Применение понятия «коллективной интенциональности» Дж. Серля [1], реализуемое посредством методологии неявного знания [5, 7], позволяет раскрыть основные этапы

становления социального бытия цивилизации именно как социального конструирования. Понятно, что мы можем построить только предполагаемую схему, но она хорошо согласуется с социально-историческим подходом и свойствами неявного знания. При этом следует учесть, что уникальные свойства неявного знания как неспецифицируемого и личностного, с одной стороны, ограничивают дальнейшее продвижение в познании научной истины, поскольку «комплекс бессознательного» как опорный для неявного знания субъекта, нерационализируем вследствие своей непосредственной взаимосвязи с «коллективным бессознательным» и априорными структурами мышления субъекта; с другой стороны, благодаря опоре на неявное знание стало возможным продвижение в понимании нерациональных механизмов познания конкретного субъекта. Это позволяет получить рост понимания в теории познания и философии науки, а также в исследовании проблем человека и общества.

2. «Ловушка» интернета и всех информационных технологий состоит в том, что, например, в науке, реально никакого прироста научного знания их применение не дает, однако, с точки зрения управления наукой, весь расчет именно на этом и строится – с помощью информационных технологий «двигать» научный прогресс и конкурировать глобально. Для маркетинга в сфере предпринимательства – прогресс налицо, но не больше. Социальные и политические вопросы с привлечением информационных технологий получают дополнительную «точку опоры» еще и в интернете, что их еще более осложняет.

3. В целом представляется, что возникновение интернета – закономерный результат развития и влияния демиургической природы языка на человека и мир, подкрепленное современными информационными технологиями, в чем состоит проявление непреходящей значимости языка для развития цивилизации в целом. Чего здесь больше – истинной «демиургичности» языка или «власти технологий», покажет время.

4. Что касается государства как комплекса социальных институтов, то представляется, что «врастание» «сетевого бытия» в действительность, имеющее место в результате развития информационных технологий, способствует «размыванию» уже сложившейся «коллективной интенциональности», на основе которой сформировались действующие социальные статусы и социальные институты, а также статусные функции предметов. Однако обновление «коллективной интенциональности» на основе врастания «сетевого бытия» в наличную действительность предполагает обновление и этой проблематики в аспекте возникновения задачи защиты свобод личности и соблюдения законности в рамках «сетевого бытия». Понятно, что со временем «коллективная интенциональность» должна обновиться, и эти вопросы уже не будут настолько сложными для практической реализации, но переходный период потребует серьезных действий от сложившихся социальных институтов, а также их обновления с учетом поставленных задач. Информационная безопасность на сегодняшний день – не просто новый теоретико-познавательный и социально-философский тренд, а насущная необходимость.

Статья публикуется при финансовой поддержке издательства «Социально-гуманитарное знание» (решение №210574).

Литература

1. Серл Дж. *Философия, логика, язык*. М.: Прогресс, 1987. 333 с.
2. Деррида Ж. *Женевский лингвистический круг // Поля философии*. М.: Академический проект, 2012. 376 с.

3. Султанова Л. Б., Салахова Н. Р. Виртуальное измерение научного познания // *Вестник Башкирского университета*. **2011**. Т. 16. №3. С. 823–829.
4. Хоружий С. С. Род или недород? Заметки к онтологии виртуальности // *Вопросы философии*. **1997**. №6. С. 53–68.
5. Султанова Л. Б. Закономерности научного познания // *Российский гуманитарный журнал*. **2018**. Т. 7. №4. С. 245–259.
6. Полани М. *Личностное знание*. М.: Прогресс, **1985**. 344 с.
7. Султанова Л. Б. Неявное знание и эвристика как источник инноваций в науке и управлении // ITIDS+RRS'2014. Тр. 2-й международной конференции «Информационные технологии интеллектуальной поддержки принятия решений». 18–21 мая. Уфа, **2014**. Т. 2. С. 196–201.
8. Серл Дж. Что такое институт? // *Вопросы экономики*. **2007**. №8. С. 5–27.

Поступила в редакцию 17.05.2021 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2021.4.4

Once again about the “New dress of the King”, or social construction and the internet as a “trap”

© L. B. Sultanova

Bashkir State University

32 Zaki Validi Street, 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.

Email: slinera@inbox.ru

This article examines the process of social construction and the role of modern information technologies, and above all the Internet, based on the concept of “collective intentionality” by the American philosopher J. Searle. The author starts from the vivid images of the fairy tale-parable of G.-H. Andersen’s “The New Dress of the King”, revealing the essence of this concept. “Collective intentionality” acts as a basic instrument of the demiurgic function of language, through which social ties are formed within specific linguistic collectives. Then, on this basis, as a result of the renewal of the existing “collective intentionality”, the subject forms social ties, which later become social institutions. As a result, the idea of the state is constituted in the mind of the subject. The concept of “collective intentionality” is one of the most difficult philosophical concepts to understand due to its direct relationship with “pre-linguistic intentionality”, which is constituted on the basis of the synthesis of the subject’s sensations. Therefore, according to the author, an adequate understanding of “collective intentionality”, with any strategy of philosophical research, is possible only on the basis of the methodology of implicit knowledge. The main conclusions are substantiated by the author in the text of the article and presented in the conclusion.

Keywords: collective unconscious, natural language, social status, implicit knowledge, demiurgic role of language, linguistic collective, information technology, Internet, constitution of the image of social reality, social transformations.

Acknowledgements. The article is published under the financial support of "Sotsial'no-Gumanitarnoe Znanie" Publishing House (Decision No. 210574).

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Sultanova L. B. Once again about the “New dress of the King”, or social construction and the internet as a “trap” // *Liberal Arts in Russia*. 2021. Vol. 10. No. 4. Pp. 254–265.

References

1. Searle J. *Filosofiya, logika, yazyk [Philosophy, logic, language]*. Moscow: Progress, 1987.
2. Derrida Zh. *Polya filosofii*. Moscow: Akademicheskii proekt, 2012.
3. Sultanova L. B., Salakhova N. R. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. 2011. Vol. 16. No. 3. Pp. 823–829.
4. Khoruzhii S. S. *Voprosy filosofii*. 1997. No. 6. Pp. 53–68.
5. Sultanova L. B. *Liberal Arts in Russia*. 2018. Vol. 7. No. 4. Pp. 245–259.
6. Polani M. *Lichnostnoe znanie [Personal knowledge]*. Moscow: Progress, 1985.
7. Sultanova L. B. ITIDS+RRS’2014. Tr. 2-i mezhdunarodnoi konferentsii «Informatsionnye tekhnologii intellektual’noi podderzhki prinyatiya reshenii». 18–21 maya. Ufa, 2014. Vol. 2. Pp. 196–201.
8. Searle J. *Voprosy ekonomiki*. 2007. No. 8. Pp. 5–27.

Received 17.05.2021.